

В.К. Лукашевич,
доктор философских наук, профессор

КРИТЕРИИ НАУЧНОСТИ МЕТОДА

Необходимость исследования критериев научности метода вызвана, во-первых, обостряющейся конкуренцией с наукой других форм духовного освоения реальности, когнитивные схемы которых качественно отличаются от научных. Во-вторых, внутренней логикой научного исследования, в соответствии с которой научность по определению представляется характеристической его предмета, проблемы, методов ее решения и самого решения (приращенного знания), качественно отличающегося от вененаучного знания по механизмам обоснования, степени общности, достоверности, контролируемости путей получения, объяснительной способности и прогностичности. В-третьих, непрерывно растущими масштабами разработок и использования технологий на основе научного знания, должны обеспечивать (по сравнению с традиционными технологиями) не только более высокую производительность труда, но и оптимальные варианты использования природного и человеческого ресурсов производства, его безопасность и перспективу устойчивого развития, которая видится в контексте ноосферной экономики [4]. Цель данной работы — выявить систему ключевых критериев научности метода за счет решения задач по выявлению специфики связей содержания метода с исходным и приращенным предметным знанием, а также характером познавательных целей.

В самом широком смысле научность метода ассоциируется с соотнесенностью его операционально-нормативного элемента (совокупность предписаний (правил, норм), регламентирующих содержание познавательных действий (операций, процедур) исследователя на пути к решению проблемы) с накопленным в той или иной области науки достоверным предметным знанием, а также с предписаниями общенаучных методов и подходов. Предполагается, что в первом случае предписания данного метода каким-то образом обусловлены (обоснованы) содержанием достоверного предметного знания, а во втором — они являются своеобразным преломлением (конкретизацией, адаптацией) предписаний общенаучных методов и подходов. Научность конкретного метода в первом случае однозначно связывается с признанием достоверности и принадлежности к сфере науки накопленного в той или иной дисциплине предметного знания, которое используется для обоснования данного метода; во втором — с принадлежностью к сфере науки и продуктивностью общих методов и подходов, чьи предписания являются исходными при его разработке. В этом видится основное отличие научного метода от любого рода продуктивных предписаний и регламентаций, используемых интуитивно или выработанных эмпирическим путем «проб и ошибок».

Генетическая обусловленность операционально-нормативного содержания метода конкретно научным знанием эксплицирована в виде процедуры

его концептуального обоснования. Сущность концептуального обоснования научного метода составляет генерирование, подтверждение или трансформация его предметно-концептуального содержания на базе знаний, относимых к объекту исследования. При этом предметно-концептуальное содержание метода выражается в виде представления о совокупности фиксируемых исследователем отношений и связей изучаемого объекта с объектами, потенциально пригодными для использования в качестве средств познания. Данное представление задает определенный тип системной организации объекта, основное содержание предмета исследования и оценку когнитивных возможностей выбранных или созданных средств. Это «онтология» метода, отражающая саму его правомерность (осуществимость) и предполагаемые познавательные возможности [2]. В экспериментальных исследованиях ее содержание задается операционально, в других — путем апликации на познавательную ситуацию и исследуемый объект представлений о способах их фрагментации, содержащихся в общенаучных подходах (системном, структурно-функциональном, кибернетическом, синергетическом и др.).

В условиях экстенсивного развития знания данная (генетическая) связь выражена достаточно отчетливо: исходные общие представления, достоверность которых доказана предшествующими исследованиями, задают определенный вариант фрагментации исследуемого объекта и типы возможного взаимовоздействия выделенных в нем элементов со средствами исследования, в ходе которых объект как целостное образование не теряет своего качества. На этой основе разрабатываются предписания, регламентирующие осуществление одного из возможных вариантов их направленного взаимодействия, в ходе которого планируется получение новых сведений об исследуемом объекте.

В условиях интенсивного развития знания проблема критериев научности метода усложняется за счет принципиальной допустимости того, что предметно-концептуальное содержание разрабатываемого метода может иметь элементы, принадлежность которых к сфере науки не является доказанной. Здесь же добавим, что в этих условиях следование общенаучным методам и подходам само по себе ничего не гарантирует, поскольку предписания последних не содержат исчерпывающих критериев, регламентирующих содержательное наполнение их схем. Например, в предписаниях общенаучного метода моделирования не содержится жестких ориентаций относительно типа модели и типа ее соответствия оригиналу. Предписания кибернетического подхода не указывают на какой-либо конкретный вариант структурирования исследуемого объекта в виде системы управления.

Построение (выбор) модели в первом случае и вариант структурирования исследуемого объекта во втором осуществляются под воздействием широкого набора факторов. При этом действие собственно научных факторов может быть существенно ограничено воздействием доминирующих мировоззренческих, прагматических, эстетических, идеологических и других групп факторов. В практике метода моделирования довольно многочисленны факты неадекватного использования механических и биосубстратных моделей для

изучения любых физических явлений и социальных объектов. Но, по-видимому, наибольшие трудности вызвало применение метода восхождения от абстрактного к конкретному. Найти предписываемое его требованиями основное противоречие исследуемого объекта и его носитель («клеточку» теоретического анализа) пока нереально в большинстве естественных и гуманистических дисциплин [3, с. 106—107].

Итак, каковы критерии научности метода, в том числе наиболее тонкие и трудные для анализа, которые непременно должны действовать при построении метода в условиях интенсивного развития знания?

Наиболее общий критерий научности метода — воспроизводимость — объективная возможность его неоднократной реализации на основе предписаний, зафиксированных в виде сведений, способных транслироваться по обезличенным информационным каналам, прежде всего, в научных текстах в виде описаний конкретно научных методов. В методах экспериментальных наук этот принцип ориентирует исследователя на осмысление их онтологических оснований, а именно: объективной возможности осуществления предписываемых ими взаимодействий объектов исследуемой реальности со средствами познания. Отражая онтологический аспект метода, критерий воспроизводимости позволяет отличать объективно обоснованные методы, чьи предписания и регламентации соотносятся с реально существующими объектами и их взаимодействиями (равно мысленными отражениями реально существующих объектов и их взаимодействий), от нормативных построений, не имеющих объективно существующей сферы приложения в виде реальных предметных взаимодействий. В истории науки тому много свидетельств (довольно многочисленная группа флюидов в физике и химии XVIII — первой половины XIX в., различного рода гипотетические излучения в физике конца XIX — начала XX в., не получившие опытного подтверждения новые типы физических полей).

Они показывают, что воспроизводимость метода является необходимым, но не достаточным критерием его научности. Особенno если брать во внимание не только трудности воспроизводимости новых (разрабатываемых и оцениваемых) методов, но и многочисленную совокупность грубых и повторяющихся заблуждений (в частности, в науках о человеке), подкрепляемых результатами казалось бы хорошо обоснованных, а главное сравнительно легко воспроизводимых методов. Едкой иронией пронизаны в настоящее время оценки лысенковских методов изучения механизмов наследственности, легко воспроизводимых и дающих «убедительные практические результаты» за счет того, что коров-рекордсменок «кормили чуть ли не шоколадом».

Кроме того, воспроизводимость как критерий научности метода в познавательной деятельности может быть применен не непосредственно к нормативному знанию, а к совокупности регламентируемых им познавательных действий. Данное обстоятельство, разумеется, не делает этот критерий бесмысленным или несоотносимым с другими критериями на стадиях разработки метода, предшествующих его непосредственной апробации. Воспроизведение осуществляется и на этих этапах в форме опережающего отражения

регламентируемых нормативным знанием познавательных действий. По своему содержанию это не что иное, как доказательство воспроизведимости (равно научности разрабатываемого метода) посредством анализа, обосновывающего данный метод конкретно-научного и предпосыльчного знания, их связей с накопленным и искомым знанием, с предметно-концептуальным, операционально-нормативным и логическим содержанием разрабатываемого метода.

Данные действия эксплицированы как процедуры логического и концептуального обоснования научного метода [2]. Оба вида обоснования подчинены общей цели — рационализации операционально-нормативного содержания разрабатываемого метода. Логическое обоснование как процесс построения конечной последовательности (цепочки) вопросов и предполагаемых ответов, в которой ответ на предшествующий вопрос является основанием для постановки последующего вопроса, и таким образом до тех пор, пока ответ на очередной вопрос или ответы на группу вопросов не составят решение исследуемой проблемы, обеспечивает целерациональность метода, т.е. его применимость для решения конкретной научной проблемы или класса однотипных проблем. Концептуальное обоснование гарантирует его объекtorациональность (законосообразность), т.е. согласованность, соответствие содержания метода (прежде всего, представлений о его онтологических основаниях) накопленному в данной области исследований предметному знанию, принятой научной картине исследуемой реальности и научно-мировоззренческим представлениям. Суммируя целевые и содержательно-процессуальные характеристики логического и концептуального обоснования метода, можно утверждать, что в совокупности эти два вида обоснований по отношению к его операционально-нормативному содержанию составляют своего рода целостное действие. Его можно назвать рациональным обоснованием метода. Соответственно результат этого действия — рациональная обоснованность метода — может быть квалифицирован как один из важнейших критериев его научности.

Однако его нельзя считать достаточным по меньшей мере по одной причине — понятные требования к обоснованию научного метода совпадают с требованием к обоснованию гипотез *ad hoc* (гипотез для данного случая), критерии научности которых довольно неопределенны. Метод же по определению и замыслу исследователя — инструмент долгосрочного пользования. Поэтому необходима экспликация факторов, обеспечивающих применимость созданных рациональных оснований к определенной совокупности познавательных ситуаций при решении набора (класса) проблем, а не только для преодоления затруднений частного характера.

В отличие от гипотезы *ad hoc*, в основе которой лежит допущение о наличии и свойствах какой-то предполагаемой реальности, еще не осмысленной в рамках существующих конкретно-научных представлений, научный метод в процессе его разработки обосновывается существующим знанием конкретно-научного уровня, а также знанием, относимым к исследуемому объекту на мировоззренческих, методологических, эстетических и иных основани-

ях. В итоге его предметно-концептуальное содержание оказывается преемственно связанным с исходным знанием об исследуемом объекте. В гипотезе *ad hoc* такой связи, как правило, не наблюдается. В процессе функционирования метода преемственные связи устанавливаются в обратном порядке — от предметно-концептуального содержания метода к совокупности конкретно-научного знания, включающей исходное (добытое другими методами) и приращенное знание (добытое посредством данного метода). Если эти связи устанавливаются в объеме, охватывающем только приращенное знание, которое при этом не удается согласовать с исходным и объединить их в целостную систему, научность метода ставится под сомнение.

Таким образом, вырисовывается еще один достаточно определенный критерий научности метода, предполагающий наличие в процессе его разработки преемственной связи предметно-концептуального содержания данного метода с исходным конкретно-научным знанием, полученным другими методами, а также преемственной связи предметно-концептуального содержания метода с исходным и приращенным знанием в процессе функционирования метода. При этом исходное (полученное другими методами) знание и приращенное (добытое посредством данного метода) должны быть объединены в целостную систему на основе предметно-концептуального содержания данного метода. Следовательно, предметно-концептуальное содержание метода представляет собой опосредующий элемент в системе транзитивного отношения между исходным и приращенным знанием, т.е. элемент, должны обеспечивать это отношение. Если предметно-концептуальное содержание метода выполняет эту функцию, можно говорить о транзитивности метода как его способности обеспечивать связь исходного и приращенного знания; если не выполняет, следовательно, данный метод не обладает транзитивностью. В целом транзитивность метода в соответствии с изложенными представлениями о механизмах его преемственной связи с исходным и приращенным знанием представляет собой один из важнейших критериев его научности, точнее, — это достаточный критерий научности метода.

Доказательством статуса транзитивности как достаточного критерия научности метода служат не только изложенные представления о роли его предметно-концептуального содержания. Видимо, наиболее убедительны в этом плане аргументы негативного характера — невоспроизводимость в не-прерывном научном опыте элементов, составляющих ядро предметно-концептуального содержания определенных методов, а соответственно, и потеря ими статуса научных методов. В свое время такая участь постигла флогистон и другие типы флюидов, эфир, многочисленные излучения, понятие жизненной силы, а вместе с тем вне науки оказались и основанные на данных представлениях методы исследования.

Воспроизводимость, рациональная обоснованность и транзитивность как критерии научности не исчерпывают всех характеристик научного метода. В числе последних называют целесообразность, пригодность, приемлемость, мощность, продуктивность, эффективность, объективность, истинность, креативность, эвристичность и др. Осмысливая их, исследователь, работаю-

щий в конкретной области, руководствуется принципом прагматической достаточности, не претендуя на полный охват их содержания. Что же касается критериев научности метода, то отмечается растущий явно или неявно выраженный интерес в связи с расширением проблемного поля междисциплинарных (трансдисциплинарных) исследований в контексте инновационной деятельности [1], актуализацией «технологизированных» познавательных установок и все более интенсивным вовлечением в сферу научных исследований человекоразмерных систем.

Л и т е р а т у р а

1. Горохов, В.Г. Междисциплинарные исследования научно-технического развития и инновационная политика / В.Г. Горохов // Вопросы философии. — 2006. — № 4.
2. Лукашевич, В.К. Научный метод: структура, обоснование, развитие / В.К. Лукашевич. — Минск, 1991.
3. Лукашевич, В.К. Философия и методология науки / В.К. Лукашевич. — Минск, 2006.
4. Никитенко, П.Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П.Г. Никитенко. — Минск, 2006.

С.В. Лукин,
доктор экономических наук, доцент

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ДОКТРИНЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА

Социальная ответственность бизнеса в Российской империи

Исторически частная благотворительность на христианском Востоке и особенно в России осуществлялась преимущественно при посредничестве Церкви. В Киевской Руси и княжеская власть передавала ей функции социальной защиты. До татарского нашествия (конец X — середина XIV в.) из собираемой князем дани выделялась церковная десятина и передавалась епископу. В отличие от централизованной десятины в Киевской Руси, указом Карла Великого в 779 г. на христианском Западе была узаконена десятина частная. При этом Церкви передавались функции торгового контроля, социальной защиты и частично суда. Впоследствии практически все эти функции государство взяло на себя, тем не менее, Русская Церковь заботилась о социальной защите обездоленных на протяжении всей ее истории.

Непосредственная частная благотворительность и социально ответственная деятельность частного бизнеса сформировались как институт лишь в XIX в. В этот период частный бизнес нес основной груз социальной ответственности. К 1910 г. в России существовало не менее 4762 благотворитель-